

Материалы Международной научной конференции «XIII Поспеловские чтения. Памяти В.Е. Хализева. Аксиологические проблемы в художественной литературе»

Н.А. Дегтерев (Череповец, Россия)

**Ситуация спора ученика с учителем
в контексте религиозной аксиологии
русской литературы середины XIX века**

Аннотация: В статье рассматривается ситуация спора ученика с учителем, возникающая в произведениях, посвященных проблеме духовного образования. На примере эпизодов из произведений Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и И.С. Никитина автор показывает структурную близость таких ситуаций, изображающих поведение персонажей, их реакцию на сложные богословские вопросы. Отмечается, что подобная ситуация возникает в русской литературе впервые. Прослеживается связь спора по религиозным вопросам с идеологией нигилизма, с одной стороны, и церковно-педагогической ситуацией – с другой.

Ключевые слова: спор, ученик, учитель, нигилизм, религиозные вопросы

N.A. Degterev (Cherepovets, Russia)

**A Teacher-Student Dispute in the Context
of Religious Axiology in the Mid-19th century Russian Literature**

Abstract: The article discusses a dispute between the student and the teacher that occurs in the literary works to do with theological education. Basing on episodes from F.M. Dostoevsky, N.S. Leskov and I.S. Nikitin, the author shows the structural proximity of situations prompting the characters' reactions to complicated theological questions. It is argued that the Russian literature had encountered this kind of situations for the first time. The author links a dispute on religious issues with the ideology of nihilism, on the one hand, and Church teachings, on the other hand.

Key-words: dispute, student, teacher, nihilism, religious questions

Современная польская исследовательница Барбара Оляшек в своей книге «Русские споры» в художественном дискурсе классиков» пишет: «...спор был неотъемлемой чертой русской культуры и русского менталитета»¹. Также она ссылается на идею этнолога Андрея Ярового, выдвинувшего тезис об «агональном

¹ Оляшек Б. «Русские споры» в художественном дискурсе классиков. Lodz, 2016. С. 20.

характере русской культуры»¹. В свете этих современных исследований ситуация спора ученика с учителем, повторяющаяся в различных произведениях писателей второй половины XIX в., представляется особенно значимой.

В книге Барбары Оляшек религиозным спорам не посвящено отдельной главы. О них идет речь в главе «Споры о принципах», что вполне вписывается в авторскую концепцию. Действительно, ситуацию, описанную ниже, можно считать вариантом инвариантного мотива спора, который отнюдь не ограничен религиозной тематикой. Однако, с нашей точки зрения, она имеет несколько специфических черт.

В статье речь идет о ситуации спора ученика с учителем по религиозным вопросам, изображенной в трех эпизодах произведений русской классической литературы: романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», романе Н.С. Лескова «Соборяне» и повести И.С. Никитина «Дневник семинариста». Приведем полностью эти небольшие эпизоды.

Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы»: «Григорий выучил его грамоте и, когда минуло ему лет двенадцать, стал учить священной истории. Но дело кончилось тотчас же ничем. Как-то однажды, всего только на втором или на третьем уроке, мальчик вдруг усмехнулся.

– Чего ты? – спросил Григорий, грозно выглядывая на него из-под очков.

– Ничего-с. Свет создал господь бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?

Григорий остолбенел. Мальчик насмешливо глядел на учителя. Даже было во взгляде его что-то высокомерное. Григорий не выдержал. «А вот откуда!» – крикнул он и неистово ударил ученика по щеке»².

Н.С. Лесков, «Соборяне» (речь идет от имени «автора» дневника, протоиерея Савелия Туберозова, об уроке в церковно-приходской школе. Препотенский – один из учителей, нигилист, вносящий смуту): «Препотенский, конечно, поощрился только этим замечанием и моего отца Захарию совсем заклевал. Этот глупый, но язвительный негодяй научил ожесточенного лозами Алиошу Лялина спросить у Захарии: «Правда ли, что пьяный человек скот?» – «Да, скот», – отвечал ничтоже сумняся отец Захария. «А где же его душа в это время, ибо вы говорили-де, что у скота души нет?» Отец Захария смутился и ответил только то, что: «а ну погоди, я вот еще и про это твоему отцу скажу: он тебя опять выпорет»³.

И.С. Никитин, «Дневник семинариста»: «Однажды в классе, когда профессор говорил о местопребывании души в человеческом теле и решил этот вопрос тем, что душа обитает во всем нашем теле, Яблочкин неожиданно поднялся со скамьи.

– Позвольте предложить вам возражение, – сказал он профессору.

– Хорошо.

– Так как в сумасшедшем человеке душа не может проявлять разумно своего существования, а по существу своему недеятельною она быть не может, то чем душа эта бывает занята в продолжение иногда многих лет, то есть до самой смерти сумасшедшего? Профессор стал в тупик и, после долгого молчания, сурово ответил: «Садитесь на место и вперед прошу поменьше рассуждать, а слушать внимательно то, что вам скажут». Яблочкин сел читать какой-то журнал и не обращал ни малейшего внимания на лекцию профессора, который говорил о Сенеке, о Сократе, о Пифагоре и уж бог знает о ком, всех трудно припомнить»⁴.

¹ Оляшек Б. «Русские споры» в художественном дискурсе классиков. С. 20–21.

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1982. С. 146–147.

³ Лесков Н.С. Соборяне // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1989. С. 107–108.

⁴ Никитин И.С. Дневник семинариста. М., 1980. С. 425.

Итак, если рассмотреть структуру этих эпизодов, то сразу можно выделить несколько повторяющихся моментов. Во всех трех эпизодах действующими лицами являются учитель и ученик. Формальная разница заключается только в том, что во втором и третьем случае учитель – официальное лицо (священник, преподающий в школе; профессор, преподающий в семинарии), а в первом случае – неофициальное (дядька). Соответственно, и ученики во втором и третьем случае – ученики «официально» (школьник и семинарист), в первом – неофициально. Учитель имеет определенную власть над учеником, а тот находится в зависимом положении, что изначально не предполагает возможности спора с учителем. Однако ситуации, изображенные писателями, описывают именно нарушение этой «невозможности». Между учеником и учителем создаются какие-то новые отношения.

Пространство, в котором происходят споры, либо не указано (как у Достоевского), либо это учебное заведение (как у Лескова и Никитина). В любом случае пространство для учителя будет ощущаться скорее как «свое», а для ученика скорее как «чужое».

Обращает на себя внимание роль этих эпизодов в развитии сюжета. Если использовать термины *препозиция* и *постпозиция* (мы в данном случае ориентируемся на употребление этих терминов в книге И.В. Силантьева «Поэтика мотива»¹), то все эпизоды практически лишены как хронологического «до», так и «после». В первом случае это вообще вставной эпизод, во втором в качестве препозиции можно рассматривать приезд и некоторые первые действия на педагогической ниве учителя Препотенского, а в качестве постпозиции реакцию протоиерея Туберозова на эти действия и на сам эпизод. Однако в дневнике Туберозова отражены и многие другие события, и его реакция на действия Препотенского слабо связана с вышеуказанным эпизодом, отделена от него.

В третьем случае препозиции нет, эпизод возникает как бы ниоткуда (отсюда, в частности, растерянность профессора). В качестве постпозиции можно рассматривать разговор о Яблочкине преподавателей семинарии на ужине у Федора Федоровича, где они осуждают «вольнодумца» Яблочкина. Однако этот разговор состоялся хронологически позднее и вообще по несколько иному поводу.

Такая слабая пре- и постпозиционность может говорить о сильном сюжетном значении эпизодов, так как выделенность эпизода показывает его важность, смысловую насыщенность. Возможно, это нужно для того, чтобы показать «особость» ученика, его отличие от других, характерность. У Лескова подчеркивается «особость» не ученика, а его учителя Препотенского, который в подлинном смысле и является спорщиком, только скрытым, использующим для спора своих учеников. Итак, композиционно эти эпизоды похожи друг на друга, что позволяет говорить если не о типичности их, то хотя бы о симптоматичности для данного временного периода.

Особое внимание следует уделить тематике споров. Все они происходят по ключевым для христианской картины мира вопросам – о сотворении мира (у Достоевского) и о человеческой душе (в других двух случаях). Правда, стоит заметить, что и у Достоевского вопрос о сотворении мира, можно сказать, напрямую связан с вопросом о душе. Как пишет Е.И. Кийко в статье «Достоевский и Ренан», «в подготовительных материалах к “Бесам” Князь, отражающий точку зрения Достоевского, разъясняет Шатову, что “нравственные основания даются откровением. Уничтожьте в вере одно что-нибудь – и нравственное основание христианства

¹ См.: Силантьев И.В. Поэтика мотива. М., 2004.

рухнет всё, ибо всё связано»¹. Слова эти перекликаются с сентенцией английского зоолога Томаса Хаксли: «Если Адам не более истинный человек, чем Прометей, и если рассказ о Падении только поучительный “образ”, подобный мифам о Прометее, то каково тогда значение дидактики Павла?»². И в данном случае дидактика апостола Павла (т. е. те самые нравственные основания христианства) ставится в прямую зависимость от правдивости повествования книги Бытия. Так что вопрос о сотворении мира напрямую примыкает к вопросу о человеческой душе (ее бессмертия, разумности и так далее).

В плане поэтики все три эпизода тоже обнаруживают сходство. Так, рядом психологических деталей, переданных жестом, мимикой, позой героя, а также благодаря коротким авторским замечаниям каждый из писателей показывает растерянность учителя после возражения учеников: Григорий «остолбенел», отец Захария «смутился», профессор «стал в тупик». Ученики, напротив, ведут себя довольно вызывающе: мальчик Смердяков «почти насмешливо глядел на учителя. Даже было во взгляде его что-то высокомерное». «Глупый, но язвительный негодяй» Препотенский научил «ожесточенного лозами» ученика задать вопрос о пьяном человеке. Яблочкин – правда, уже после ответа учителя – «не обращает ни малейшего внимания» на лекцию. Психологически учитель и ученик на совсем короткий отрезок времени меняются местами: учитель вынужден чувствовать неловкость, а ученик почти ощущать себя хозяином положения. Правда, только на короткое время – реальная власть учителя позволяет ему оборвать разговор. Григорий «крикнул» и «неистово ударил ученика по щеке». Отец Захария обещал Алиоше Лялину рассказать о его выходке отцу, чтобы тот его выпорол. Профессор «сурово ответил» и попросил «поменьше рассуждать».

Симптоматично, что контраргументы против «учения о душе» выдвигают дети. Спор ученика и учителя не просто иллюстрирует «проблему отцов и детей». Он показывает, что определенные процессы в обществе идут слишком быстрыми темпами и учителя не успевают на них реагировать. Эффект неожиданности у Достоевского передан словом «вдруг», в целом характерным, как показали исследователи³, для стиля писателя: «Мальчик вдруг усмехнулся». У Никитина Яблочкин «неожиданно поднялся со скамьи» и задал вопрос. В повести «Дневник семинариста» момент спора показан с точки зрения повествователя – семинариста Белозерского. Таким образом, не только для учителя, но даже для самих семинаристов, для близкого друга Яблочкина его «возражение» оказывается неожиданным.

Контраргументы и возражения учеников, а также растерянность учителей требуют отдельного комментария. Возражения мальчика Смердякова и Яблочкина философски значимы – опровержения этих возражений встречаются в богословской литературе. Выпад Алиоши Лялина: «Правда ли, что пьяный человек – скот?» – конечно, к философии отношения не имеет, да и вообще весь эпизод решен в довольно комическом ключе. В.Е. Хализев и О.Е. Майорова в статье «Лесковская концепция праведничества» пишут: «Комическая ситуация для Лескова – мощное средство познания действительности... Анекдотические истории – едва ли не главное средство обрисовки лесковского героя»⁴. Анекдотичность спора из ро-

¹ Кийко Е.И. Достоевский и Ренан // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 4. Л., 1980. С. 108.

² Huxley T. The Lights of the Church and the the Light of Science (1890) // Science and Hebrew Tradition Essays. London, 1893. P. 236 (перевод В. Велчева).

³ См., например: Шкловский В.Б. «Вдруг» Достоевского // Шкловский В.Б. Энергия заблуждения. philologos.narod.ru/shklovsky/energeia.htm#vdrug_d

⁴ Хализев В.Е., Майорова О.Е. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М., 1983. С. 226.

мана «Соборяне» не дает возможности рассматривать этот спор с точки зрения его философской интерпретации, но, конечно, нисколько не умаляет серьезности самого факта подобного спора.

Сами по себе вопросы учеников, если рассматривать их изолированно от ситуации, не несут какой-то определенной идеологической нагрузки. Однако в контексте всего произведения (каждого в отдельности) ясно, что источник их – нигилизм, идеология которого имела непосредственное отношение к вопросу о бессмертии души. Н.Я. Данилевский в статье «Происхождение нашего нигилизма» цитирует К.К. Толстого, некогда бывшего «адептом» нигилизма, но потом «понявшего его ложность»¹. К.К. Толстой, излагая *stredo* нигилизма, пишет следующее: «Человек есть машина, с разрушением которой исчезает всякая ее способность в какой бы то ни было работе»². Все три отрывка имеют в сопоставлении с этим утверждением симптоматическое звучание и далеко идущие аксиологические последствия: дети еще не могут быть нигилистами (в смысле владения культурой философского дискурса), однако они уже на пути к нему. Это-то и приводит в растерянность учителей.

Растерянность эта, однако, вызвана не только новым учением. У нее есть и, так сказать, педагогические причины. Характеризуя русскую школьную богословскую науку, о. Александр Шмеман писал: «...это специфически школьная наука без намека на другую, кроме развития ума, роль... В семинариях того времени целью ставилось просто приобретение некоторого запаса знаний»³. Богословие требовалось не осмыслять, а запоминать. Справедливости ради, стоит сказать, что как раз в XIX в. (во многом вопреки такому школьному богословию) формируется именно православное русское академическое богословие, давшее много славных имен. Это отмечает в «Пути русского богословия» о. Георгий Флоровский⁴. Но внизу, на уровне школ и семинарий, процесс осмысления богословия, творческого поиска ответов на новые вызовы времени, еще не проявлялся. Учителя (как в вышеприведенных отрывках) по объективным причинам не могли дать ответы на новые вызовы времени, такие ответы еще только предстояло выработать.

Итак, как же выглядит ситуация спора ученика с учителем в контексте религиозной аксиологии? В вышеприведенных текстах прежде всего показана неожиданность подобной ситуации: спорящие ученики наделены «особостью», непохожестью на других. Во-вторых, описывается растерянность и даже страх учителей перед этим новым «вызовом». Растерянность вследствие невозможности дать адекватный ответ, а также «через» указание на пространство, в котором происходит спор, – духовные учебные заведения. Новое учение проникло очень глубоко в самую духовную школу. Страх показан через осуждение или гнев преподавателей, вызванный спорящими учениками. Спор не разрешается в полемическом ключе – он прерывается (через силовое принуждение, запрещающее спорить). Эта болезненная неразрешенность указывает на ситуацию аксиологического кризиса, который так или иначе представлен в произведениях русской литературы 1860–1980-х гг. и который ощущается очень остро. Можно сказать, что возникает ситуация вызова с напряженным ожиданием ответа, поиском которого и занимались многие русские писатели указанного периода.

¹ Данилевский Н.Я. Происхождение нашего нигилизма. www.hrono.ru/proekty/russia/Author/Russ/D/Danilevskij/nihilism.html

² Там же.

³ Шмеман А., прот. Школа русского богословия. gumagic.com/ru_zar/religion_rel/shmeman/4/j5.html

⁴ Флоровский Г., прот. Итоги Александро-Николаевских преобразований в духовно-образовательной сфере // Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. predanie.ru/florovskiy-georgiy-vasilevich-protieryey/book/69627-puti-russkogo-bogosloviya-1/

ЛИТЕРАТУРА

Данилевский Н.Я. Происхождение нашего нигилизма. www.hrono.ru/proekty/russia/Author/Russ/D/Danilevskij/nihilism.html (дата обращения 26.12.2017).

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М.: Правда, 1982. 623 с.

Кийко Е.И. Достоевский и Ренан // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1980. С. 106–123.

Лесков Н.С. Соборяне // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. 479 с.

Никитин И.С. Дневник семинариста // Никитин И.С. Соч. М: Художественная литература, 1980. С. 419–503.

Оляшек Б. «Русские споры» в художественном дискурсе классиков. Lodz, 2016. 224 с.

Хализев В.Е., Майорова О.Е. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М.: Советский писатель, 1983. С. 196–233.

Шмеман А., прот. Школа русского богословия. rumagic.com/ru_zar/religion_rel/shmeman/4/j5.html (дата обращения 26.12.2017).

Huxley T. The Lights of the Church and the the Light of Science (1890) // Science and Hebrew Tradition Esseys. London, 1893. P. 201–239.

REFERENCES

Danilevsky N.J. The Origin of Our Nihilism. www.hrono.ru/proekty/russia/Author/Russ/D/Danilevskij/nihilism.html (date accessed: 26.12.2017).

Dostoevsky F.M. The Brothers Karamazov. In: Dostoevsky F.M. Collected Works: In 12 vols. Vol. 11. Moscow. Pravda Publ. 1982. 623 p.

Kijko E.I. Dostoevsky and Renan. In: Dostoevsky: Materials and Studies. Leningrad. Nauka Publ. 1980, pp. 106–123.

Leskov N.S. The Cathedral Clergy. In: Leskov N.S. Collected Works: In 12 vols. Vol. 1. Moscow. Pravda Publ. 1989. 479 p.

Nikitin I.S. Diary of a Seminarian. In: Nikitin I.S. Works. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1980, pp. 419–503

Olaszek B. (2016) «Russian Disputes» in the Artistic Discourse of the Classics. Lodz. 224 p.

Khalizev V.E., Majorova O.E. Leskov's Concept of Righteousness. In: In the World of Leskov. Moscow. Sovietsky Pisatel Publ. 1983, pp. 196–233.

Shmeman A., prot. School of Russian Theology. rumagic.com/ru_zar/religion_rel/shmeman/4/j5.html (date accessed: 26.12.2017).

Huxley T. The Lights of the Church and the Light of Science (1890). In: Science and Hebrew Tradition Esseys. London. 1893, pp. 201–239.

Сведения об авторе:

Николай Александрович Дегтерев,
аспирант
Гуманитарный институт
кафедра отечественной филологии и
прикладных коммуникаций
Череповецкий государственный университет

Nikolay A. Degterev,
Postgraduate
Humanitarian Institute
Department of Russian Philology and Applied
Communication
Cherepovets State University

koldeg@mail.ru